

18+

так же было и с собой
тоже призывал в школу
защита так же и его от
деса и окрестили Лео

таким образом братья
и дядя в армии не
было Сааргенов, а мое
кузнецко-Витинский

было чудом было у Ку
сына родных Андре
Андрей Николаевич Саар
Леонтьев.

А пошлю у дяди на
были дети:
Иван Никифорович (ли
Петр Никифорович
Александр Никифорович
Борис Никифорович
Дарья Никифорович
Борис Никифорович
все они умершие.

у дяди друзей
сын Иван друзей

у дяди Кузнец
сын Андрей Кузнец
сын Иван Кузнец
и еще другие бы
дядя.

Иван Леонтьев

МОЁ РОДОСЛОВИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

Иван Леонтьев

Моё родословие. Воспоминания

«Издательские решения»

Леонтьев И.

Моё родословие. Воспоминания / И. Леонтьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518710-9

Книга воспоминаний, написанная Иваном Михайловичем Леонтьевым в 1965 году. Он последовательно, год за годом, описывает события и впечатления детства, своё горькое сиротство, голод 1921 года, тяжёлую жизнь в рабочих, становление своей семьи. Интересны воспоминания и его отца, Михаила Гавриловича Леонтьева (Садчикова), о его службе в Преображенском полку Его Императорского Величества Александра II и об участии полка во взятии болгарской крепости Плевна в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

ISBN 978-5-00-518710-9

© Леонтьев И.
© Издательские решения

Содержание

Из биографии	6
Моё родословие	7
Почему мы стали Леонтьевы	8
Служба отца	9
Прохождение отцовской службы (из его воспоминаний)	11
Моё счастливое детство и несчастное юношество	13
1913 год	16
1914 год	22
1916 год	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Моё родословие Воспоминания

Иван Леонтьев

Дизайнер обложки Елена Огнева

Благодарности:

Алексею Константиновичу Кириченко

© Иван Леонтьев, 2020

© Елена Огнева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8710-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из биографии

Иван Михайлович Леонтьев родился 26 июля 1905 года в деревне Нижняя Чёрная Речка Оренбургской области. Окончил курсы Оренбургского железнодорожного техникума. В 30-х годах работал на железной дороге кассиром всех касс (товарной и билетной). С 1937 года жил с семьёй в Соль-Илецке, был переведён на должность коммерческого ревизора.

В 1940 году, получив назначение, перевёз жену и детей на Западную Украину в город Золочев. После нападения Германии на СССР в 1941 году проводил их с эшелоном до города Подволочийска, до старой границы. Около Тернополя эшелон был обстрелян немецкими самолётами. Сам же вернулся в Золочев уничтожать и эвакуировать грузы, документы. Семья ехала 20 дней в товарном вагоне до города Воткинска и вернулась в Соль-Илецк на прежнюю квартиру. По возвращении отца семейства в Соль-Илецк ему было предложено работать в органах МГБ (Министерство государственной безопасности). После переезда семьи на станцию Саракташ работал в транспортной милиции. Через четыре года руководство предложило перевестись в город Оренбург, но он отказался от нового назначения, так как семья имела статус – беженцы, и, чтобы выжить, семья уже обзавелась хозяйством: купили корову, засадили огороды: просом, картофелем, подсолнечником, бахчевыми. Следующий переезд на станцию Казалинск (Оренбургская железная дорога, Кызылординская область) на 2 года. Затем был написан рапорт о переводе в более подходящее место проживания по состоянию здоровья. В городе Кувандык проживал с Евдокией Викторовной и детьми: Ниной, Геннадием, Зоей и Альбиной на улице Молодёжной, в доме №3 (ныне №6).

До выхода на пенсию имел звание капитана, должность – старший оперуполномоченный железнодорожной милиции. Был награждён медалями: «За боевые заслуги», удостоверение Д №350754 от 17 октября 1938 г.; «XXX лет Советской Армии и Флота» от 20 января 1949 г.; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» от 24 апреля 1946 г.; «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» от 5 ноября 1965 г.; «За безупречную службу в Министерстве внутренних дел СССР» 2 степени от 21 октября 1958 г.; «За безупречную службу в Министерстве внутренних дел СССР» 1 степени от 5 ноября 1962 г.

Ушёл из жизни 10 мая 1968 года.

Моё родословие

Я, Леонтьев-Садчиков Иван Михайлович родился в 1905 году 26 июля в деревне Нижняя Чёрная Речка, Усерганской волости Орского уезда, Оренбургской губернии.

Отец мой, Михаил Гаврилович Садчитков, он же Леонтьев, родился в 1852 году 6 ноября в селе Сарай-Гир, Бугурусланского уезда Самарской губернии. Мать, Марфа Гавриловна Яковлева, родилась 8 июля 1865 года в селе Лозовка Бугурусланского уезда Самарской губернии.

Мать рассказывала, что детей было десять человек, в том числе я остался жив из мужского пола, остальные умирали. Сёстры Мария и Ирина тоже были в живых и имели свои семьи. Кроме меня было два Ивана, Фёдор и, кажется, Андрей. Из сестёр: Мария, Ирина, Татьяна, Екатерина, а пятое имя не знаю. Из всего семейства я остался только один.

У отца было три брата, отец был самый младший: Садчиков Никифор Гаврилович, Садчиков Федот Гаврилович, Садчиков Кузьма Гаврилович, Садчиков Михаил Гаврилович. Все они умерли, но потомство их осталось до сегодняшних дней.

Проживали ещё вместе – в селе Мёртвые Соли Соль-Илецкого района Оренбургской губернии. В то время Соль-Илецк назывался – городок (Илецкая Соляная Защита).

Из Мёртвых Солей мой отец и дядя Никифор уехали. Они жили вместе: устроились и обосновались в Нижней Чёрноречке, а дядя Федот в Кайракле.

Почему мы стали Леонтьевы

Дядя Кузьма призывался в Илецкой Соляной Зашите. Во время призыва его спросил воинский начальник: «Как фамилия?» Почему-то – «Садчиков» дядя ответить не мог и тогда воинский начальник спросил: «А как зовут деда?» Дядя Кузьма ответил: «Леонтий», и таким образом, записали в воинский билет фамилию не Садчиков, а Леонтьев. Так же было и с моим отцом, он тоже призывался в Илецкой Соляной Зашите, так же и его спросили имя деда и окрестили Леонтьевым. Таким образом, братья Никифор и Федот в армии не служили, остались Садчиковы, а мой отец и Кузьма служили, остались Леонтьевы.

Ещё чуднее было у Кузьмы, два сына родных: Андрей писался – Садчиков, а Иван – Леонтьев. Я помню, у дяди Никифора были дети: Иван Никифорович (мой крёстный отец), Пётр Никифорович (Налин отец), Александра Никифоровна, Евдокия Никифоровна, Дарья Никифоровна, Евдокия Никифоровна (мать Фёдора Михайловича), все они умершие.

У дяди Федота сыновья: Фёдор Федотович, Иван Федотович (гармонист).

У дяди Кузьмы сыновья: Андрей Кузьмич, Иван Кузьмич и две дочери, видел их, но как звать забыл.

Деда моего звали: Гавриил Леонтьевич, бабушку – Ефимия.

Родство матери очень маленькое: на свете их было только двое: брат – Михаил Гаврилович, я его хорошо помню, это был родной отец Анастасии Михайловны Федотовой. Бабушку звали Наталья, она умерла в том году, когда я родился (1905 г.). У дяди Михаила была жена Марфа Петровна, их дети: Анастасия Михайловна, Домна Михайловна, Мария Михайловна, Роман Михайлович. В живых только Анастасия Михайловна. Домна умерла в 1921 году, Мария в 1934 году.

Когда умер дядя Никифор, жена его, тётя Степанида приняла к себе в дом, на такую большую семью, отца, Степана Петровича, мы его звали – дядя Петай. Его почитали все, он был очень хорошим для всех.

Служба отца

Когда сравнялось моему отцу восемнадцать лет, отец его, Гавриил Леонтьевич сказал старшим братьям: «На Мишку пора надеть штаны», он до восемнадцати лет ходил в холщовой длинной рубашке, подпоясанной шерстяным ремешком. Отец рассказывал, что в то время он мало в чём разбирался и ждал, когда ему прикажут что-либо сделать, – он всё послушно выполнял. Из воли отца, братьев и жён братьев не выходил, а силёнки в нём, как видно было, – везут по деревне снопы или сено, он хватался за колесо, и лошадь останавливалась, не раз получал кнута от возчика!

Уходил в армию совершенно неграмотным, необузданным парнем двадцати двух лет. По своей комплектности и телосложению он попал в Лейб-гвардию Его Императорского Величества Преображенский полк (царские полки: Преображенский и Семёновский Петра I) и служил в Санкт-Петербурге.

Сперва он в полку был запевалой, а через недолгое время с ним стал заниматься офицер, научил его читать, писать и славянскому языку, читал он особенно хорошо и был страшно религиозным, без бога – никуда!

После того, как научился читать и изучил ноты, его приняли в песельную команду Преображенского полка при дворце Его Императорского Величества. Пели гимн и марши, когда царь утром вставал с постели. Эта служба выполнялась каждый день, даже в дни Пасхи и Рождества. Отец имел воинское звание – старший унтер-офицер и его парадный мундир и лычки сохранились до моей памяти.

Государственный хор Преображенского полка состоял из тринадцати солдат и одного офицера, который руководил хором. Пели они не больше часа, государя никогда не видели, за исключением, как на параде.

Как только закончат петь, к хору приходил царский слуга и на тарелочке приносил золотые монеты суммой 15—20 рублей, офицер эти деньги не брал, а вёл очерёдность, по очереди отдавал деньги солдатам. Офицер же получал большой оклад и в большие праздники пакет с деньгами: 500 рублей.

Строевой службы отец больше не выполнял. Он часто рассказывал, как поднял свою семью к зажиточности. Деньги он копил, а затем высылал домой. В Мёртвых Солях купили весной годовалых бычков, 24 головы, они походили лето на выпасах, их продали – купили шесть пар больших быков, пустили два плуга и начали богатеть. К прибытию отца домой семья уже имела приличное хозяйство.

Отец участвовал в турецкую компанию при взятии крепости Плевна, имел заслугу, медаль и так ей гордился до последних дней своей жизни!

Помню, отец надевал форму парадную, прицеплял к мундиру медаль и ходил на Троицу в церковь. Я тоже ходил с ним и радовался отцовской медали и мундиру. Кондуровские казаки отдавали ему почёт, козыряли, а потом этот мундир сам по себе развалился, видимо, от времени.

Отец, кроме братьев, имел две сестры: Ефросинию и Марию. Тётя Ефросиния жила в станции Изобильной, около Соль-Илецка, а Мария, мать Гостищева С. И., в Соль-Илецке. Ефросинию я не знал, а Марию хорошо помню.

Отец вспоминал, сестра его, Ефросиния, была староверка и очень любила его как младшего брата, он из посёлка Мёртвые Соли ходил к ней в Изобильное. Она хорошо привечала, но кушать, пить из одной посуды не разрешала, боялась опоганиться с мирским крестьянином. Однако отец из любопытства, в отсутствие сестры пил воду из их посуды и однажды признался сестре, она его журила, всю посуду предала огню и строго стала контролировать.

11.11.1965.

Пришёл отец из армии и на двадцать девятом году женился на матери, в то время в станице Кондуровка не было ещё церкви, ездили венчаться в станицу Озёрное, что в пятнадцати километрах от Кондуровки. Одновременно венчалась мать с отцом и брат матери Михаил, таким образом, под венцом стояли два Михаила и две Марфы. Бабушка Наталья, вдова с молодости, выдавала замуж дочь, мою мать и женила сына – всё происходило за одним столом (это воспоминание матери).

Отец числился: мещанин Илецкой Соляной Защиты, не являлся крестьянином. Также и дядя Михаил, отец сестры Анастасии Михайловны, числился мещанином и платил в Илецк подати.

Уже в 1916 году отец уплатил подати 17 рублей, продал бычка и расплатился.

Кто были мещане, я представления не имел, но говорили, что мещанин никогда своей земли не имел, они были мелкими ремесленниками и жили в городах.

Прохождение отцовской службы (из его воспоминаний)

Против рядовых солдат никаких преимуществ он не имел, жили в казармах, довольствовались одним котлом и кушали хлеб только ржаной, по большим праздникам давали белые булочки, и то дареные Петербургскими купцами. Всё преимущество было в том, что не чистили парадную форму: снимали, вешали, приходили одеваться – форма была наглажена и очищена.

Началась Турецко-болгарская война. Преображенский полк был направлен на фронт, с ним уехала и песельная команда.

На торговое купеческое судно уместили полк солдат и офицеров со всей прислугой. Так было тесно, что сидели друг у друга в коленях и голышом, только песельная команда ехала сносно и дважды в сутки солдаты выходили на палубу и пели песни.

Командование Преображенского полка передавало в рупор: «Братцы, потерпите, скоро на берег!» Однако, шли от города Одессы до турецкого города Плевна четверо суток.

К городу подошли ночью и начали высаживаться не на берег, а на брёвна и плоты, многие солдаты потонули, не выбрались на берег, так как турецкая крепость Плевна отвечала артиллерийским огнём.

После высадки на берег разместились в окопах вокруг города, рыли ходы сообщений, готовили лестницы, однако и турки не спали: день и ночь укрепляли стены и готовились.

На одиннадцатые сутки после прибытия и высадки на берег, рано утром, по цепи передавался приказ: «Настал час к выступлению!», на рассвете затрещали барабаны, и была подана команда взять крепость – помочь братьям-болгарам освободиться от турецкого ига, они, турки, оскверняют христианские храмы, переделали церкви в конюшни, иконы превратили в похабщину – оскверняют и сжигают их! Солдаты лавиной бросились к крепости, к стенам приставляли высокие лестницы, падали вниз поражённые, лезли другие.

Турки отчаянно защищались: стреляли в русских из луков, ружей, обливали их кипятком, кипящей смолой, били камнями. Народу полегло очень много, а к обеду были разбиты ворота города Плевна и была впущена конница в город: ворвались гусарские полки и началось что-то такое страшное: рубили в городе всех, кто попадался под руку, не считаясь с женщинами и детьми. К полудню этого же дня был дан приказ прекратить военные действия. Турецкий город сдал Осман, на этом и кончилась война. Вот за взятие Плевны отец был награждён медалью. И в то же время была сложена песня:

Вздумал турок воевать, да не с тем схватился,
Из Свистова убежал, с Дунаем простился.
Осман Плевну окопал крутыми валами,
Русски прямо не пошли, обошли горами.

Эту песенку отец потом часто напевал, когда ехал куда-либо на порожней телеге.

После уборки трупов и похорон солдат, через две недели, Преображенский полк двинулся пешеходом через Балканские горы, а обоз с продовольствием пошёл с усиленной охраной кружным путём. В горах встречались большие трудности при переходе, да и мелкие стычки мешали в продвижении. Положение было катастрофическое: солдаты начали падать, поэтому ели больших горных черепах, настолько они были большие, как колесо телеги, что когда человек становился на панцирь черепахи, она легко его везла. Эти черепахи поддерживали людей; собрали весь полк, из котлов вынули мясо черепах, подошёл полковой священник, окропил

мясо святой водой и разрешил кушать, сперва ели мясо врач и несколько человек офицеров, а затем ели все, да ещё как хвалили!

На четырнадцатые сутки полк подошёл к обрыву, нужно было весь народ, оружие и мулов спустить вниз на равнину. На канатах сперва были спущены взвод солдат и офицеров, которые взяли это место под охранение, затем спустились все остальные и техника. Эта работа продолжалась трое суток.

Не везде было благополучно: некоторые солдаты падали вниз и разбивались. Похоронив своих братьев и соединившись с обозом, полк пошёл дальше по сёлам и деревням Турции, не получая какого-либо сопротивления и благополучно возвратились обратно в Санкт-Петербург.

Какая была встреча жителями города Петербурга – царские полки! Не доезжая до города всех солдат и офицеров помыли, одели в новое и строевым маршем они вошли в город.

На Сенатской площади был парад, его принимал сам царь Александр.

20.11.1965.

Возвратившись домой, отец умел читать по-русски и на славянском языке, а также писал письма и считал себя грамотным. Как только отец женился, немного пожили с братом Никифором и разделились (с братьями Кузьмой и Федотом разделились раньше, ещё в посёлке Мёртвые Соли уезда Илецкая Соляная Защита).

Отец и дядя Никифор делились в хуторе Нижняя Чёрная Речка. Старший брат Никифор сказал своей жене Степаниде и моей матери Марфе: «Вот что, бабы, ни в одно дело не вмешайтесь, я старше всех вас по возрасту и по положению заменяю брату отца, я его не обижу!» Начался делёж. Он был произведён в течение одного часа. Дядя Никифор сказал: «Вот две лошади мне, а такие-то тебе, брат Михаил». Отец был согласен – и так поделили всё, хлеб поделили надушно. В доме остался дядя Никифор, а отошёл отец. Затем, вспомнили: на крыше лежали двадцать пучков лык для лаптей, и это поделили. При окончании дележа дядя Никифор спросил отца, доволен ли он, не пропустили ли чего, всё ли учли? Отец сказал: «Всё», а снохи и слова не молвили. Затем, встали вчетвером, помолились богу, поклонились друг к другу в ноги, расцеловались, сели за стол, выпили по чарке водки и разошлись: отец перешёл на квартиру к Семёну Попову. Жили врозь, но никогда они дружбы не теряли – всегда были вместе и помогали друг другу при радости и беде. Когда дядя Никифор умер, оставив большую семью, отца почитали племянники, всегда ходили к нему за советом.

После раздела отец скоро разорился: сдохла лошадь, украли корову – вывели со двора (обули в лапти), а последнюю лошадь отобрали полицейские: поехал на базар в станицу Верхнеозерную, там подошли к лошади два киргиза, осмотрели её и через час привели полицейского, признали лошадь их, (подделали расписку на неё). Напрасно отец приводил односельчан, которые подтверждали, что серый жеребчик доморощенный, лошадь «улетела», а телегу привезли домой добрые люди.

И с тех пор отец до последних дней своей жизни богатым не был: лошадь, а иногда две, корова всегда была, птица и мелкий скот.

Моё счастливое детство и несчастное юношество

Начал я помнить с 1911 года – был окружён заботой своих родителей, семья состояла в то время из родителей, сестры Ирины, старше меня на 10—12 лет, и меня.

В 1911 году, голодным году, в хуторе Нижняя Чёрная Речка кормили нуждающийся народ за счёт государства. Котёл находился от нас через четыре двора, туда заходили с горшками, где получали хлеб и сваренную пищу, в этот котёл ходили и из Верхней Чёрной Речки (мужчину называли – Марун).

Флаг с красным крестом развевался на крыше жителя Матвея Юрьева, там жила и сестра милосердия, так в то время называли медицинских сестёр.

Наша семья из котла не довольствовалась, как видно, не нуждалась в этом, я помню: мать испекла хлебы ржаные, отец сказал: «Кушать можно!» И, припоминая, как на новые места уехал Андрей Кузьмич Садчиков, и у него был сын Ванька.

Мне подарили календарь с хорошими картинками, которые я лепил на стены по настойчивому требованию сестры Ирины для украшения комнаты. Больше об этом годе я припомнить ничего не могу.

С малолетства отец учил меня читать молитвы и я их знал наизусть, взрослые удивлялись моим способностям, а родители радовались. Многие из пожилых заставляли меня читать «Отче наш», «Верую» и другие молитвы. Я читал, получал похваление: «Умный», а иногда и гостинчик. Отец приучал меня петь эти молитвы вместе с собой, хорошо пела и сестра Ирина, вот из трёх лиц и состоял хор. Мать никогда не пела и никаких молитв не читала, да и ленилась молиться, то ли она не признавала всё это по своей неграмотности, то ли не хотела. Отец становится на молитву, читает вслух, я с ним вместе повторяю так же: становлюсь на колени, а мать никогда этого не делала, подойдёт к столу, раз, два, три махнёт рукой и уйдёт с улыбкой. Отец хватится – её нет, окончит молиться, начинает говорить и укорять: «Марфа, что же ты делаешь, не молишься, ведь ты на том свете можешь только страдать, вечно будешь гореть и не сгоришь!» Мать отвечала: «Михаил, я ничем не грешна, моя совесть чиста, не молюсь потому, что я ничего не знаю!» Отец говорит серьёзно, а мать отделяется улыбкой и смешками. Мама моя была всегда жизнерадостная, но никогда с нами не пела, у неё была своя любимая песня, тогда, когда отец был в отлучке. В зимние дни сидим на печке, мама поёт:

На крыше воробей сидит, чирикает,
А по ту сторону девка парня кличеть:
«Выйди парень, выйди, свет, за новые ворота,
Тяпки с мамкой дома нет, некого бояться!»

Мне, как я начал помнить, отец говорил так: «Всё проживу, а Ваньку учить буду, я знаю как быть неграмотным, как жить тёмному человеку!» Таким образом, я должен был каждый день читать молитвы, а отец их с радостью слушал, даже когда были гости, и то мне всегда приходилось читать молитвы и получать похваление. Вот с самого раннего детства я веровал в убеждения своего отца и уже знал, что можно делать и что делать грех.

Шёл 1912 год, я его хорошо помню, он был урожайным, было много хлеба и этот хлеб остался у некоторых на зиму не убранным. Шли осенью сильные дожди и убирали хлеб некоторые хозяйства уже зимой, когда выпал снег и заморозило.

Мой крёстный, Иван Садчиков в банях сушил семя подсолнечное и так же занял баню у Алексея Попова, который проживал против нашего двора. Разузнали ребята, что сушатся семечки, начали потихоньку красть их и продавать на гостинцы девкам, стали справлять вечера с угощением. Разгадав это, крёстный начал хитрить: пришёл домой и сделал вид больного.

Мать его, тётя Степанида спросила Ивана, не заболел ли он, почему невесёлый? Крёстный ответил, что он здоров, однако продолжал быть мрачным. Тётя Степанида собрала ему ужин и дала шкалик водки, надеясь на то, что Иван все-таки расскажет ей, что случилось. Долго крёстный «мариновал» мать и, наконец, рассказал, предупредив тётю Степаниду не разглашать то, что он ей скажет. Поведал матери, что он был в бане Попова Алексея в полночь и слышал ужасы когда выходил из бани – под полком мяукали кошки, играли в гармонь, пели, хлопали в ладоши и он спасся молитвой «Да воскреснет Бог». Сам лёг отдыхать, а пока крёстный спал, об этом страхе узнала вся деревня: все пришли в ужас, какое видение перенёс крёстный и не струсил! И ребята перестали воровать из бани семечки.

Дело близилось к весне и эту баню топила моя сестра Ирина и её подруга Анна Попова. После того, как она была готова, подружки первыми пошли в баню и первыми мылись. Я же, подошёл ещё раньше в этот предбанник, забрался за дверь и замаякал по-кошачьи! Тут же моя сестра Ирина и её подруга Нюра выскочили нагишом из бани и по снегу убежали во двор Попова Алексея. Во дворе было много мужчин – кастрировали скот и вот мимо них пробежали две нагие девушки! Их едва привели в чувство, они рассказали, что под полком бани они слышали как мяукали кошки (черти) и они, не успев одеться, убежали. Несколько смельчаков побежали в баню с вилами и в предбаннике нашли меня. От своего отца я получил добрую взбучку поперечником, а сестра Ариша лет пять мне мстила: когда родители уезжали на базар в село Петровское (Коршениново), всегда загоняла меня на печку и требовала, чтобы я повторил то, как я их напугал. После этого рассказа я получал очередную порку.

Долгое время я молчал, родителям не говорил, однако был вынужден сказать отцу, что я не останусь дома, нянька бьёт меня! Родители её предупредили и больше этого не было, нянька смирилась.

Я – большой любитель собирать грибы, ягоды, рыбачить: рыбы так было много, что её ловили удочками больше, чем сейчас сеткой, она не помещалась в реках и её много пропадало. Ягод было тоже много, её не порывали, ходить за ней далеко не приходилось.

Ягоды, самородину, вишню, костянику рвали и возили продавать на базар, делали простилу, а об варенье и представления не имели. Сахар считался предметом роскоши и выдавался к чаю размером с вишенку, а с этой крошкой выпей хоть двадцать чашек чая!

Через четыре двора от нас жили Грицковы, у них была девчонка, звали её Химка, маленькая, да такая зубастая, прохода не давала, всегда дразнилась и всегда ей попадало, а её бабушку звали Гречиха, она заступалась за Химку. Однажды, в этом же году, она так меня обозвала и так мне стало обидно, что я бросил в неё камешком и попал в голову, видимо, пробил шкуру и увидел кровь. Я так напугался и убежал в лес, километра за два от деревни и там ночевал, боялся тяжкого наказания. Ужинал слезами, когда нашёл хороший куст самородины, поел её, вышел на полянку и ночевал под кустом калины.

Утром я проснулся от крика, отец верхом на лошади, на берегу, кричал мне, называл моё имя. Он быстро подлетел ко мне и бежать я не успел. Я заплакал, плакал и мой отец, он посадил меня с собой верхом на саврасую лошадь и помчался в деревню. Около дома он передал меня плачущей матери, а сам поскакал по деревне – сообщить народу, что я нашёлся: староста деревни распорядился разыскивать меня, народ не пустил в поле. Меня искали в воде: бродили бреднями, на лодках искали баграми. Хорошо помню, день был после выходного, в понедельник и после предупреждения о том, что я разыскан, весь народ уехал в поле. Я остался безнаказанным, со мной поступили гуманно.

Мой самый задушевный друг детства был Митька Чувашинов, его родители жили по соседству с нами, а фактически его фамилия: Фёдоров Дмитрий Степанович. С этим товарищем я никогда не расставался, мы с ним в летнее время спали на крыше сарая.

В семействе Фёдоровых были: отец, звали Иваном, мать Елена Емельяновна, старший брат Тимофей, дочери Агоша и Татьяна, все они меня привечали и в их семье я был как семьянин.

Были и другие товарищи, но я любил только Митьку и мне позволялось родителями находиться у Фёдоровых.

1913 год

Осенью в 1913 году я пошёл в школу, в деревне школы не было, под школу снимали частный дом у жителей нашей деревни: Сусловых, Кидяевых, Тарасовых. Первый год учились в доме Шимкиных, учителем был мужчина по имени Андрей Иванович, житель уездного города Орска. Ученики, от младших до старших классов, – книги, тетради, перья и чернила не покупали, всё это было казённое. Была большая библиотека, было много художественной литературы. Дисциплина в школах была строгая, учеников наказывали и телесно: ставили на колени на парту, в угол, оставляли без обеда и давали пощёчину.

Занятия проходили от темна до темна, с сентября до Пасхи, каникулы были только один раз: от Рождества Христова до Крещения, то есть, с 23 декабря по 8 января, 15—16 дней.

Из села Жёлтое, в неделю два раза, нашу школу навещал священник, который учил нас закону Божьему. Он имел право наказывать непослушного ученика, ставить на колени и называть его олухом, также требовал знать закон Божий и если ученик имел успеваемость по закону Божию, то вообще ученик считался достойным, скромным учеником, а если ученик был «пешкой» в законе Божьем, то с ним мало считались. Если он имел успеваемость по остальным предметам, всё же он считался неграмотным. Очень редко кто учился до конца в церковно-приходской школе, а девочек, начиная с 1911 по 1917 год, – всего только две окончили эту школу, это: моя двоюродная сестра Мария Михайловна Яковлева и Ольга Семёновна Аتماкина. Но и мальчиков не более десятка. Вот, например, в 1917 году сдавали экзамен из Нижней Чёрной Речки трое: я, Фёдоров Иван Наумович, Ольга Семёновна Аتماкина, а из Верхней Чёрной Речки: Новиков Николай Фёдорович, Новиков Прокофий Васильевич, Гаврилов Семён Иванович и Митрофанов, всего семь человек с двух деревень.

26.11.1965.

Один раз в год нашу школу посещал директор народных училищ. Он иногда заезжал на 3—4 часа и присутствовал на уроках даже в ночное время, а карета и лошади с колокольчиками стояли около школы. Директор народных училищ был военный с погонами, начищенными пуговицами, в фуражке, но имел волчий тулуп. Инспектор в классе больше интересовался отстающими и задавал вопросы ученикам по русскому, славянскому языкам и закону Божьему, делал похвальные отметки. Он проезжал школы как русские, так и мусульманские. Карета, которая возила инспектора, была крытая, как видно, из ореха, а лошади ямские.

В каждом селе и деревне общество нанимало ямщиков за энную сумму по договору на год или больше. И лица нанявшие гонять ямщину были в подчинении старосты.

Как я был рад этой школе и как прилежно учился! Хотел всё знать, видеть и слышать, особенно я хорошо учился и мне давался славянский язык, все это шло без затруднения, но в старших классах я отставал на простых дробях, приходилось иногда вечерами ходить к учителю. В отношении молитв и уроков закона Божьего я учился отлично и ставился в пример всем ученикам – был подготовлен отцом, он знал все каноны и распорядки литургий, а молитвы я знал «на зубок» ещё до начала школы. Я в классе всегда был дисциплинирован, а учителями наказывался раза два: стоял на коленях и оставался без обеда.

Отец в долгу не оставался перед учителями, на время Рождественских каникул отец мой всегда относил учителю с полпудика подсолнечного масла в подарок, и учитель уезжал на время каникул в Орск.

Весной, перед окончанием занятий, попечитель Иван Наумов и мой отец из учеников собирали смельчаков и по дворам ходили, просили кто что даст в подарок учителю: яйца, маслице и я помню, мы ходили набирали яиц два-три ведра и маслица с пудик. Вот с такими гостинцами провожали учителей после занятий весной.

Мой родитель всегда мечтал выучить меня и отдать в Оренбургскую семинарию, на это его направлял какой-то купец или торгаш, которому отец каждую осень возил в бочках подсолнечное масло.

В 1911—1912 годах появился первый государственный учитель Лука Александрович, он жил на квартире против нас у Юрьева Матвея. Весной по воскресеньям они слушали граммофон, пели русские песни, молитвы, служили литургию. У этого учителя я не учился.

Я у отца был только один, всё внимание уделялась только мне. От отца я никогда не отставал и всегда на пашне был с ним: помогал ему собрать дровишек для варева, утиных яиц по речкам, на горе набрать чеснока, кисляток и щавель. Я, как только стал постарше, на лошади верхом бороновал землю и считал себя пахарем.

Земли своей наша деревня не имела, поля снимались в аренду сроком на двенадцать лет. Вот их названия: Киськан, Яман-Туган, Вершина Ямана, Тукмак, Ласынь, Сухая Ласынь, Япар-Берган, Кунукиткан, Сана-Буткан и Васильева речка, внизу – Шакиркина.

Все эти поля разных башкир, им за землю платили деньги. Находились недобросовестные хозяева, умудрялись продать землю двум-трём хозяевам: выезжали на одну полосу двое, учиняли скандалы, а иногда лупили хозяев.

Наш народ жил очень бедно, всё было с купли, своей земли не имели, даже и сама деревня вместе с огородами стояла на башкирской земле, хозяин её был Валея-башкирин из деревни Рыскулово.

Шла весна, под горой разделялись огороды, Валея был пьяным и начал по грядкам ездить на лошади, его бабы задержали, привели в деревню, помню, привели к крёстному двору – в это время он приехал с мельницы и с воза убирал муку.

Женщины пожаловались на действия Валея, ему крёстный задал только один вопрос: «Валея, почему ты так делаешь?» Он ответил: «Мин каж...», и этой же секундой слетел с лошади, бабы приступили к действию, избили Валея коромыслами, ведрами и пинарями, а когда он уже не двигался, крёстный подвёл к нему гнедую осёдланную лошадь, посадил Валея и он едва уехал. Валея не жаловался и никакого расследования не было.

Тоже весной, как помнится, в 1913 году, хуторский башкир по имени Садышка украл две пары быков, принадлежащих жителю хутора Нижней Чёрной Речки – Тецкову Данилу Осиповичу. Народ в этой деревне был дружным, посадились верхами, поехали двумя направлениями догонять Садышку и не доехав до хуторского (Юлгутлы) два километра, задержали его и вместе с быками доставили в деревню.

Мы, вся ребятня, появились у двора Тецкого, мужички подобрались ловкие, допросов не производили, а подняли повыше и посадили на ягоды три раза и у Садышки изо рта и ушей пошла кровь. Садышку посадили верхом в седло, из его кармана выпал наган, его поднял мой крёстный, он побежал к берегу реки Сакмары и бросил его в воду. Но на самом деле было не так: в реку он бросил камень, а револьвер остался в его кармане. Садышка добрался домой, но на третий день скончался. Из станицы Верхнеозерной приезжали власти, производили расследование, интересовались револьвером, но крёстный настоял на своём, убедил представителей власти, что револьвер покоится на дне реки Сакмары. Виновников никого не нашли, так и погиб вор Садышка.

На всех арендных участках, которые поименованы в настоящей записке, сеяли и арендовали землю до дня революции 1917 года.

На полях было очень много лесных колков, по межникам было много вишни, ягод клубники, костяники, по речкам самордины, черёмухи, рябины и калины. В Лысани была беркутинская гора, там были большие скалы и в этих скалах обитало семь беркутов, нам иногда удавалось разорить гнездо, но это было редко и очень рисково.

По речушкам и ручьям много оставалось дичи: утиных выводков, в основном крикушей, нам удавалось ограбить гнездо и поймать петлёй утку, но это уже был героизм.

Припоминаю, отец пахал сохой на одной лошади, я сажал семечки грызовые – уже был помощником отцу, заменял взрослого, день был очень жарким и мы из балагана перебрались наружу. Ночью подул такой сильный ветер, а затем пошёл снег! Отец перетащил меня в балаган, а затем туда же затащил жеребёнка, ему было всего три дня, связал ему ноги, завернул в полог и до рассвета он находился в балагане, а мать жеребёнка шагу не отходила от балагана. Утром встали, все поля были занесены снегом, даже в некоторых местах были снежные переносы, однако с восходом солнца снег быстро растаял и всходы не были повреждены.

Сколько было птицы! Как только начинался осенний или весенний перелёт, птица, день и ночь летела большими стаями в течение двух-трёх недель, крик не прекращался, а мы все кричали им: «Путь-дорога, путь-дорога!», желали им счастливого перелёта. На них не охотились, стаи птиц летели низко и где они только помещались?

Куропаток в то время ловили шатрами, шатры делались как сети: вязалась из ниток форма в виде круга, клалась приманка – озатки, а когда к приманке собирались куропатки, верёвочка вздергивалась сидящим в засаде и все куропатки – накрыты, их принимали в «Эксперт». Очень было много волков, лисиц и зайцев. Рыскуловские башкиры осенью делали облавы на волков – окружали степи, горы: волков загнанных ловили даже руками и пленников водили по деревне. Лис ловили капканами, петлями, так же и зайцев. На зайцев ходили с собаками, у некоторых были очень хорошие собаки, хотя бы, у родственников матери, Яковлевых, была собака Пальма, она не упускала ни лисы, ни зайца.

В горах водились барсуки, с ними боялись встречаться, особенно боялись женщины и видеть их было можно во время сенокоса. Очень много было цветов, все горы были окружены лесными колками, сколько там было птиц, но их пение мало кто замечал!

1.12.1965.

Жили мы в небольшой деревянной комнатке: это жильё было очень мало, хоть и на небольшую семью, состоящую из трёх душ. Из хозяйства водилось: одна-две лошади, лошади водились хорошие, была хорошая корова чёрной масти, ведёрница, ну, телёнок, поросянок и птица. Постройка была деревянная, сарай из плетня и всё покрыто сплошной соломой, на случай пожара вся постройка сгорала.

Большой пожар был весной в 1917 году, я и отец были на пашне Ласыни и столб дыма был виден за пятнадцать километров, тогда сгорело около пятидесяти дворов, но наше жильё осталось нетронутым.

Помню, второй пожар был через дом, глубокой осенью, через двор от нас. До того мы перепугались, что мой отец из сарая вынес лагун с дёгтем и с лагуном стоял на улице, но быстро сошёлся народ. Сгорел дом и постройка Тецкова Гаврилы.

В засушливые годы весной и летом в ночное время караулили по очереди деревню только лишь от пожара. В деревне не было ни одного дома крытого жостью или тёсом, у всех дома были покрыты соломой, в голодный год ею кормили скот.

Были у нас надворные постройки: сараи, погреб, кроме того был каменный амбар покрытый глиной, вот в этот амбар в летнее время стаскивали что получше, даже хранилось и соседское и только от пожаров. Сзади сараев был огород, упёршись концом в реку Сакмару, на этом огороде родились очень крупные тыквы, а также сеялся и картофель.

Кроме этого огорода, у горы, были огороды всего населения деревушки, они были небольшие, но у каждого посередине была вода, там проходила речушка, так называемая Киськан, а ниже стояло такое глубокое озеро с лопухами и так много было там рыбы; ловили удочками крупных лещей. И до сего времени, где было озеро, сохранились кусты калины и черёмухи.

На Сакмаре, в русском углу, тоже были огороды-капустники, там сажалась только капуста и желающие рыбачили на своем огороде. Река в то время была очень глубокая: на перекатах, мелких местах не всегда можно было проехать на лошади, сносило водой, очень часто нашу

деревенку всю затопляло, овраги наливались водой и доить коров переправлялись на лодках, скот весь был на горах, а я в то время с крыши сарая бросал морды с крыльями на верёвке, ловил рыбу.

В такие дни люди стояли на крышах и «праздновали» – ничего не делали, но так было только два-три дня, затем вода убывала. Она разливалась от самых гор до железной дороги, как только взглянешь в сторону станции Жёлтая – кругом была сплошная вода. На базар в посёлок Жёлтый направлялись на лодках, даже в самый разлив реки плавали святить куличи. Когда было большое наводнение, паромы не ходили.

В дни Пасхи, восемь дней, люди не работали, это считалось грехом, а только объедались скоромным, так как сорок восемь дней люди не употребляли мясное, молочное, рыбное и яйца – жили только на постнятине и растительном масле, чего хватало вдоволь. Как только отпразднуют Пасху и последний день (назывался Красная горка), мужчины выезжали на пашню, а женщины ткали и занимались огородами.

Не у каждого был свой плуг, а многие пахали сохами, в которую впрягалась одна лошадь и сеял каждый себе, и что хотел. И у нас появился цабан в 1914 году марки «Аксай», купили нулевой и стали полноценными хозяевами.

В нашей деревне проживали (первый порядок):

1. Юрьев Игнат «Иготовы»
2. Шевцов Иосиф
3. Фёдоров Степан «Чувашиновы»
4. Тецков
5. Тецков Григорий
6. Шевцов Сидор «Псидир», Арина
7. Кидяев Капитон «Капитонов»
8. Елисеев Михаил «Капуста»
9. Леонтьев Михаил «Рыбаков»
10. Юрьев Андрей «Игнатов»
11. Тецков Павел
12. Шаталов Илья «Шайтанов»
13. Шимкин
14. Емельянов Матвей «Матякин»
15. Кузнецов Гавриил
16. Дитченко Корней «Корнеевы»
17. Попов Семён
18. Визовый Андрей
19. Визовикин Василий
20. Чиндин Григорий
21. Петаев Иван
22. Понятов Евдоким
23. Новокрещенов Сидор «Нагайтаки»
24. Александров Павел
25. Ожерельев Владимир
26. Новокрещенов Е. «Нагайтаки»
27. Марковский Прокофий
28. Марковский Леонтий
29. Марковская Устиня
30. Двоинев Иван «Казан ж...»
31. Тарасов Иван «Ротановы»

32. Козлов Василий «Упрямовы»
33. Радаев Сергей
34. Лешин
35. Тарасов Ефим
36. Мокшенинов Семён
37. Перетяченко Яков
38. Садчиков Пётр
39. Криволапов Трофим
40. Зиновьев (Василий Кузенкин, Никанор Кузнецов)

Второй порядок:

41. Иванов Парфен
42. Анка Монашка
43. Сероглазов Иван
44. Семёнов Андрей
45. Францев Иван
46. Козлов Василий
47. Наумов Иван «Карасёвы»
48. Токарев Семён
49. Иванов Петрушка
50. Козлов Филипп
51. Тарасов Пётр
52. Тарасов Ефим
53. Сечивнов Игнатий
54. Марковский Пётр
55. Котов Семён
56. Котов Илья
57. Вальщиков Семён
58. Сороколетов Сергей
59. Елисеев Василий
60. Еньшаков Пётр «Балакирь»
61. Яковлев Илья «Никоновы»
62. Маврин «Елисеевы»
63. Федотов Степан «Рыбаков»
64. Елисеев Михаил
65. Садчиков Иван «Рыбаков»
66. Козлов Виденей
67. Ухаботина Марфа
68. Фёдоров Наум
69. Кузенкин Фёдор «Грачёв»
70. Юрьев Никифор «Кривой Микишка»
71. Романцев Иван «Дребневы»
72. Юрьев Егор
73. Худяков Андрей
74. Китаев Фёдор
75. Тецков Семён
76. Юрьев Матвей
77. Величко

78. Елисеевы «Атаевы»

79. Аتماкин Семён

80. Шевцов Николай

81. Захар Машенко

82. Тецков Гаврила

83. Тецков Данил

84. Русяев Егор

85. Самойлов

86. Трофимов

Не учтённые: Шептунов Илья, Василий Кузенкин, Кузнецов Никанор.

1914 год

В июле месяце была объявлена война Германией, Вильгельмом II, царской России, императору Николаю Второму. Николай являлся родственником Вильгельму, мать Николая была ему родной сестрой, да и Александра Фёдоровна, жена Николая, была немка. Народ удивлялся и говорили тогда: «Настало время, будут воевать брат с братом!» Как было страшно: начали убирать хлеб, закончили сенокос; по полям «летали» на лошадях всадники с флагами, каждому стану с хода объявлялась война с Германией. К обеду вся деревня была на ногах, такой был плач народа, женщин и детей! А как только вечером пригнали скот домой, на рёв женщин ревели и коровы, как видно, чуяли беду.

На второй день мужчины призывного возраста выезжали из деревни, их провожала вся деревня, от малого – до велика, и все голосом плакали, и я ревел, хотя моему отцу уже было шестьдесят лет.

1916 год

В 1916 году отмечалось 300 лет Романовых, нас одаряли подарками как примерных учеников, мне были даны портреты: Ивана Грозного, Александра II, Николая II. Это было в ознаменование дома Романовых.

Перед войной 1914 года Вильгельм Второй объявил 8% годовых, принимал только золотые монеты. Священник Орлов Иван Васильевич сдал в германские банки сорок тысяч золотом, а как только началась война и убедились, что деньги пропали, Орлов начал сходить с ума. Его дочь, Ольга Ивановна, жена бывшего священника Назарова Василия Ивановича рассказывала моей сестре Ирине, что отец Иван более полгода тосковал и его заедали вши, он плохо кушал, переживал. Деньги и по настоящее время в банках Берлина, народу не возвращены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.